

Юрий ПЕРМИНОВ

НИЧЕГО ОТ СЕРДЦА НЕ ОТРИНУ

* * *

Чуть колеблется тьма от дрожания лунной блесны,
а вокруг – ни звезды... Вот и стала сердечной потреба
ожидания утра, ожидания новой весны
под тяжёлым крылом предрассветного зимнего неба.

Каждый выдох и вдох человечества спящего – свят,
что ж потом происходит с Господними чадами – с нами?..
Спят соседи мои. Слава Богу, безоблачно спят,
друг на друга дыша бессловесными тёплыми снами.

Кто-то громко вздыхает в холодном пространстве двора...
Может, в гости позвать, или сразу – бежать за подмогой?
Вот и стало потребно и мне утешать до утра –
за соседей своих – не безвинное сердце тревогой...

* * *

Провыл барбос, не зная толком,
о чём, и снова – тишина...
Взошла над Солнечным посёлком
на свет не жадная луна.
От городской бузы – далече
живём, но в городе, но тут,
где местным стать намного легче,
поскольку всякого – поймут;
где ни в уме, ни на бумаге
не подбивают барыши,
где... сострадание к бродяге
равно бессмертию души.

ЗЕМНАЯ ОСЬ

Светит миру луна вполнакала,
бдит на кухне – бесшумно всегда –
бывший мастер из Водоканала,
очень бывший ударник труда.

Денег нет, но уже не от свиста,
а на прошлое память – жива:
как любила его, коммуниста,
беспартийная сроду жена!

Тишина...

 Ни тебе сволочей, ни
экстремистов каких, например...
Он теперь не партийный – ничейный
мастер Сидоров – пенсионер.

А в квартире такой же,
 но выше
(два пролёта – и вся недолга)
эти строки – сочувственно – пишет
ваш, читатель, покорный слуга.

Пишет, чувствуя душу родную:
вместе вкапывать нам довелось
«гриб» в песочнице – нашу земную,
здешних жителей, стало быть, ось.

* * *

Ну что, живём – от кваса до перловки,
чужих собак не гоним со двора...
Зовут и нас на выборы листовки,
но не идёт народ на выбора́.

Здесь варят щи, как водится, на роту,
ну, на неделю, если без гостей.
Ну и куда идти ему, народу,
когда и так хватает новостей?

И, как сказала Клавдия Петровна
(да вот она – глядит с утра в окно):
«В душе всё есть. Душа, что надо, ровно
с тем, что желала, выбрала давно».

* * *

Про то, что нет пути другого,
наш долгожитель – дед Матвей –
поёт настойчиво и строго,
сверкает взгляд из-под бровей!

Играет с чувством он (сноровка –
осталась), радуя народ.
В том, что в коммуне остановка,
что паровоз летит вперёд,

нам, поселковым, нет изъяна,
хотя и дожил слух доднесь,
что, кроме старого баяна,
у старика винтовка есть.

* * *

Разгулялся мороз поутру...
Вижу я мужика,
а на дяде –
шапки нет: он стоит на ветру
с философской грустинкой во взгляде.

Нет у нас «понаехавших», но
этот будет, наверное, первым...
...Точно так же в посёлке темно,
как на бывшем заводе консервном.

Закуржавела рощица, где
неприкаянно ухаёт леший...
...Кто такой он – мужик в бороде,
со светящейся гладью проплешин?

Вроде я ни при чём, но потом
в каждом доме
молва побывала,
дискать, нынче признали в одном
гражданине – апостола Павла,

мол, смешался он вскоре с людьми –
в жилконторе, в автобусе, или...
Как не верить, когда о любви
даже в местной пивной говорили...

*Омск – гадкий городишко...
Ф. М. Достоевский*

Понять соседа – пьяницу, задиру –
как в алкоголе истину постичь...
Но он – родня по городу и миру,
хотя и не с рождения омич...
Отягощённый тремором, одышкой,
он произносит буднично, хотя
не без ехидства: «Гадкий городишко!» –
на белый свет – за водкой – выходя:
как ни крути, мол, повод выпить – веский
(он и другие держит про запас)...

Вот кабы знал, что Фёдор Достоевский
Христа узнал не где-нибудь – у нас...

САМОГОНЩИК

Душа бурлит, как бражка в чане.
Петров не спит... Какой тут сон,
когда он вынужден – ночами –
гнать на продажу самогон...

Мечты буржуйской масти – биты,
в тузы торговли – не пролез:
маклячил, оптом брал кредиты,
чтоб жить с деньгами, вышло – без.

Считал их вроде бы от кассы
не отходя... Чужую шерсть
не мнил своей...

В посёлке асы –
по части зелья – лучше есть.

Нам всем встречаются ухабы:
сегодня – день, а завтра – ночь.

Мы все к Петрову ходим, дабы
ему хоть чем-нибудь помочь.

* * *

В нашем клубе аншлаг не всегда,
но бывает – особенно, аще
хор поёт – ветеранов труда –
из старушек одних состоящий.

Всякий здесь им сочувственно рад,
от поповых устав «погремушек».
Приезжал тут один бюрократ –
прослезился, услышав старушек,

что, недугам своим вопреки,
вечность, кажется, преодолели...
Местным помнится – и старики
в этом хоре заслуженно пели.

Добрым словом помянем родных
песнопевцев и души согреем! –
Вот уж год, как последний из них
поселковым отпет иереем...

Хор поёт: «Нам года – не беда...».
...И подходит, как сдобное тесто,
с Божьей помощью время, когда
в этом хоре найдётся мне место.

* * *

К своим делам теряя интерес,
и налегке (не жди, жена, к обеду),
чтоб ощутить дыхание небес
среди людей, –
в деревню к другу еду:

он там – родной словесности оплот,
а впереди не дата ждёт, а вежа! –
Литературу друг преподаёт
в деревне той почти что четверть века.

Ну, здравствуй, друг!.. Конечно, друг, хотя
за встречу пьём, уже не балагурия,
и по чуть-чуть...

И плачет, как дитя,
всю ночь в деревне пушкинская буря...

Ну, здравствуй, друг!.. Не виделись давно,
а вот молчим – серьёзных лет папаши –
как будто ждём, что кто-нибудь в окно
к нам постучит – из молодости нашей.

Не постучит... Но в сердце ни одной
печали нет – ни суетной, ни хваткой,
благодаря словесности родной,
хранимой другом Колей под Саргаткой.

* * *

В ночи ворчит собака чуткая,
покоем улицы полны...
Всё то же солнце, как мне чудится,
сияет в облике луны.
Соседи спят... В ладу со всеми я
живу, и далее – не прочь:
утешных снов им!..

Ночь осенняя

и на балконе – чудо-ночь:
рябина звёздами увенчана,
а ветви – пышные – вразлёт;
как руки – любящая женщина,
на плечи гроздьё мне кладёт...
И шепчет по-вешнему
природа сердцу перед сном
о том, что мне

и миру здешнему

хватает вечного в земном.

В БОЛЬНИЦЕ

Безгрешно лежим тут. Никто никому не приятель,
диагнозы наши – напротив – один к одному...

Как нежен к супруге сосед по больничной палате –
к весёлой толстухе, приехавшей нынче к нему
из дальней деревни!

Как солнышко, здесь появилась! –

Впервые за пару бесцветных больничных недель...
И как хорошо, что корова у них отелилась,
и плохо, что помер намедни их старый кобель.

Своjak – Парамонов – по-божески, за́ две бутылки – колодец почистил, затратив немало труда...
Приветы горячие шлют мужики с лесопилки
и выписал денег хозяин её – Хабулда...

...В столицах решают проблемы (подчас мировые)
до драк, и решать их, наверное, стоит,
но тут
я понял впервые (ну, буду считать, что впервые),
как по-настоящему –
люди, как люди, живут.

* * *

Ничего от сердца не отрину,
никого уже не разлюблю...
Догола, до ягоды – рябину
птицы доклевали к февралю.

Погрущу тихонько под гармошку...
Ночь темна, как будто собрала
звёзды Матерь Божия в ладошку,
точно крошки хлеба со стола...

* * *

Дед Иванов – к неурядицам чутче
всех, но безмерно хорошему рад:
мудрый, как Фёдор Иванович Тютчев
(впрочем, старик – не всегда дипломат).

Деда склонить к разговору не просто:
спросишь о прошлом – ответит: «Кажись,
не опостылела за девяносто
лет и три года мне, грешному, жизнь.
Всяко бывало – и хуже, и лучше –
Бог не обидел...».

Решительных слов –
сколько угодно,
а надо, как Тютчев
верить в Россию. Как дед Иванов.

* * *

Принимаю согласно подъездный несуетный быт,
сголымя в облаках пустословных надежд не витая...
Запах жареной рыбы – ещё не отвычный – бодрит:
вероятно, соседи устроили праздник минтая.

Мой сердечный настрой несомненным теплом обуян,
потому не печалит бухмарь законная...

Ах ты,
как ликует с утра (привирая в мажорах) баян! –
Вероятно, сосед возвратился из Нерюнгри – с вахты.

Чей-то спор о насущном размере оплаты труда
всех касается, но – не в критической степени буен:
слава Богу, что наш незлобивый подъезд иногда
осветляют привольно семейные праздники буден!

Я достану гармонь и соседу чуток подтяну –
подхвачу бесшабашный мажорами пышущий мелос!

...А когда перфоратор под вечер взревел, никому
из подъездных жильцов на «разборки» идти не хотелось...